

А. А. ГРИЦЕНКО,
член-корреспондент НАН Украины
доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора,
ГУ «Институт экономики и прогнозирования
НАН Украины»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Политической экономии в 2015 г. исполняется 400 лет. Это достаточный срок для того, чтобы делать обобщающие выводы. Выводы эти неоднозначны. Есть исследователи, которые считают, что «время политэкономии все-таки ушло» (Осипов, 2014. С.267). Но большинство ученых, работающих на предметном поле политэкономии, говорит о ее возрождении. Для этого есть и формальные, и реальные основания. *Формальные* заключаются в том, что появилась мода на политэкономические подходы, возникли разнообразные виды политэкономий: радикальная, сравнительная, международная, неортодоксальная, институциональная, феминистская, экологическая, структуралистская, конституционная, новая (с разными смыслами), политическая экономия развития, богатства, власти, будущего и т.д. (Либман, 2008. С. 332; Олейник, 2011. С.19-32; О'Хара, 2009. С.38-57; Худокормов, 2009. С.218, 272-273; Чекмарев, 2009. С.90-99).

Реальные основания возрождения и актуализации политэкономии состоят в том, что современный мейнстрим, базирующийся на функциональных подходах, оказался не в состоянии отвечать на современные вызовы, вскрывать сущность принципиально новых явлений и процессов, так как не обладает соответствующим инструментарием, а политическая экономия, возникшая из практической потребности проникать в глубинные основания, различать сущность и внешние формы проявления, их взаимосвязь, таким инструментарием обладает. Поэтому она оказалась востребованной в новых условиях, когда динамизм экономической и общественной жизни привел к существенным изменениям основополагающих качеств социально-экономической системы, требующих своего теоретического осмысления с целью корректирования практических действий.

Для понимания современных особенностей судьбы политэкономии, необходимо проследить, хотя бы в основных чертах, весь ее исторический путь: ее предысторию, историю и перспективы. Первоначально экономические знания были вплетены в «язык реальной жизни», затем они находились в качестве составляющих элементов внутри философского и религиозного сознания и лишь на определенном, достаточно высоком, уровне развития общества превращаются в систему и выделяются в виде особой науки.

Политическая экономия как особая наука возникла только вместе с появлением объективных оснований для этого. Эти основания состояли в том, что с формированием в Западной Европе, начиная с XVI века, рыночной системы организации хозяйства, капитализма, усложняются связи между видимым движением предметных форм богатства и скрытой сущностью происходящих экономических процессов. Если в аграрной экономике отношения между людьми по поводу условий и результатов труда были представлены непосредственно как отношения субъектов, то в рыночной системе они приобретают предметные формы, выступают как отношения товаров, денег, капитала, внутренние законы движения которых не совпадают с их внешними видимыми формами. Это порождает массовую потребность в более глубоких экономических знаниях, которые бы помогали людям ориентироваться в сложном мире рыночных отношений и принимать эффективные решения. В этих условиях экономические знания обособляются от других знаний, приобретают систематический характер и превращаются в особую науку, которая получает название политической экономии. Здесь можно провести следующую аналогию: если человек занимается сельским хозяйством, используя примитивные орудия труда, то он может, например, в своей практике руководствоваться представлением о том, что солнце всходит и заходит, вращаясь вокруг земли, но если речь идет о запуске искусственного спутника земли, то эту практическую задачу, основываясь на таких представлениях, решить невозможно. Необходимы более глубокие и специальные знания.

Завершение процесса формирования капиталистического способа производства переносит акцент с познания сущности на воспроизводство функциональных связей. На смену политэкономии в большинстве развитых стран приходит экономикс, который не интересуется вопросом «что это такое?», а отвечает на вопрос «как это работает?». И пока экономика является в основном сбалансированной и сохраняет старую качественную определенность, такой подход является вполне успешным. Методологической основой функционального анализа является маржинализм, объясняющий стоимость предельной полезностью благ. Маржинализм формируется практически

одновременно с трудовой теорией стоимости, но по мере развития объективного процесса усиления значения функциональных связей в уже сложившемся капиталистическом обществе он начинает играть определяющую роль, оттеснив трудовую теорию на периферию экономической науки.

В начале XX века произошло разделение экономической науки по идеологическому принципу. В социалистических странах господствовала методология, базирующаяся на трудовой теории стоимости и теоретических положениях, изложенных в «Капитале» К.Маркса. На Западе господствовала основанная на маржинальных подходах теория, изложенная А.Маршаллом в «Принципах экономической науки» и работах других выдающихся представителей этого направления. А после мирового кризиса 1929–1933 годов и написания Кейнсом в 1936 г. «Общей теории занятости, процента и денег» лидерство переходит к кейнсианскому направлению, признающему необходимость государственного регулирования экономики.

В СССР некоторое время преобладали взгляды, согласно которым политическая экономия заканчивается вместе с капиталистическим обществом, но затем по мере осознания необходимости учитывать в хозяйственной жизни объективные экономические закономерности, возникло понимание политэкономии как науки, не ограничивающейся изучением капиталистического способа производства. В 30-е годы XX века появился термин «политическая экономия социализма». В начале 50-х годов был подготовлен первый официальный учебник, в котором признавалось наличие товарно-денежных отношений при социализме и политэкономии в широком смысле, изучающей все известные способы производства. В 60-е годы появился другой учебник «Курс политической экономии» под редакцией Н.Цаголова, в котором излагался иной подход к построению системы категорий политической экономии. В нем первоначально излагалась система категорий, отражающих общие основы способа производства, а затем изучалась специфика его фаз развития. Развернутые в этих учебниках подходы были основными в построении системы категорий, хотя различных предложений на уровне определения исходного отношения и общей схемы построения системы было несколько десятков.

В странах Запада в 70-е годы XX века, когда применение кейнсианских методов регулирования привело к существенному росту инфляции, происходит возвращение к неоклассической методологии с монетаризмом во главе и постепенное формирование на этой основе мейнстрима, ставшего не только господствующей методологией, но и идеологией международных экономических организаций. И только разразившийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис положил конец господству этой идеологии и

началу широкого поиска альтернативных теорий и методов познания, позволяющих раскрыть скрывающиеся за внешними функциональными формами существенные изменения. Политическая экономия, как уже отмечено в начале, исторически сформировалась именно для решения такого рода задач и, в отличие от экономикс, имеет методологический инструментарий для их решения. Именно с этим связана актуализация политической экономии на современном этапе. Применения политэкономического инструментария для решения как общих, так и частных задач, приводит к тому, что политэкономия дифференцируется на глобальную, призванную теоретически воспроизвести движение экономических систем на всех этапах исторического развития, и на локальную, сосредотачивающуюся на раскрытии сущности отдельных экономических явлений и процессов (политэкономия власти, богатства, развития и т.д.).

Кратко изложенную выше историю можно изобразить схематически (табл. 1).

Таблица 1.

Возникновение и развитие политической экономии

Степень развития	Форма знаний	Функции знаний
Первобытное общество	Знание вплетено в «язык реальной жизни»	Осознание деятельности
Античность (рабство)	Экономическое знание находится в составе философии	Описание экономической реальности в составе философского знания
Средневековье (феодализм)	Экономическое знание находится в составе религиозных учений	Описание экономической реальности в религиозном контексте
Формирование капитализма	Выделение экономического знания в особую отрасль, представленную политической экономией	Выяснение сущности экономической реальности в отличие от внешних форм проявления и в единстве с ними
Функционирование капитализма на собственной (индустриальной) основе	Формирование экономикс	Описание функциональных экономических связей
Возникновение директивно-плановой экономики	Формирование политэкономии социализма	Попытки построения системы знаний, отражающих закономерности функционирования и развития директивно-плановой экономики
Утверждение рыночно-капиталистической системы в мировом масштабе	Господство экономикс и оттеснение политической экономии на периферию экономической науки	Господство описательных функциональных подходов
Глобализация и формирование информационно-сетевой экономики	Актуализация политической экономии. Возникновение глобальной и локальной политэкономии	Создание целостной системы логико-исторического развития экономической реальности и познание сущности отдельных экономических явлений

Исторически и логически политическая экономия является основой всей системы экономических наук. Она развертывается в более широкую систему экономико-теоретических знаний, активно взаимодействующую с другими науками. Экономические знания, с одной стороны, все более специализируются, с другой - интенсивно проникают в другие отрасли знаний, и сами испытывают влияние неэкономических наук.

Современная специализация знаний достигла такого уровня, что экономисты, занимающиеся разными проблемами и использующие разную методологию, просто перестают понимать друг друга в силу существенных различий в используемом категориальном аппарате и предмете исследований. Невозможность обработки всего информационного потока, с одной стороны, и его глобальный характер и доступность, с другой, - приводят к образованию своеобразных сетей научного, полунаучного и квазинаучного знания и соответствующих сообществ. Определенные сообщества экономистов занимают господствующие позиции, обеспечивая распространение своих подходов, представительство своих сторонников в разных международных экономических организациях, в консультативных органах правительств и т.д. и создавая таким образом свою монополию.

Другие группы экономистов находятся на периферии экономико-теоретического поля, часто не потому, что их знания и рекомендации менее обоснованы и эффективны, а потому что существует господствующая парадигма и монополия определенных научных сообществ.

Тем не менее, при таком разнообразии исходных посылок, содержательных подходов, теорий, позиций, точек зрения существует согласие относительно основных современных направлений теоретической мысли: неоклассического, кейнсианства и институционализма. Почему именно эти направления являются основными? Сложилось ли в результате достижений выдающихся ученых, и без них развитие теории пошло бы иначе? Или это объективная закономерность развития познания экономики? Ответы на эти вопросы нужно искать в соотношении структуры экономической теории и структуры экономической реальности.

Каждая экономическая наука изучает определенные аспекты, срезы, формы, пространственно-временные локализации и другие спецификации экономических отношений. Для того чтобы определить место каждой особой экономической науки в общей системе, необходимо выяснить специфику ее предмета и метода.

Существует единство, включающее в себя тождество и различия, предметов и методов каждой составляющей экономической теории. При этом необходимо иметь в виду диалектику самого определения предмета.

Определение в буквальном смысле есть нахождение пределов предмета. Но чтобы убедиться в том, что это есть предел, необходимо выйти за него, совершить его отрицание, перейти к не-предмету. И только последующее отрицание не-предмета и возвращение к предмету дает возможность установить действительные пределы предмета, т.е. определить его.

Исследование есть развернутое определение предмета, постоянный выход за его пределы и столь же постоянное возвращение к нему. Исходным экономическим отношением, как это уже показано в литературе и доказано экспериментально, является совместно-разделенный труд (Гриценко. С.263-266, 322-342). Именно из него исторически развивается, с одной стороны, разделение, обособление труда, частная собственность и рыночные институты, с другой стороны – кооперация, обобществления труда, общая собственность и институты государства.

Экономическая наука, как уже отмечалось, зародилась как политическая экономия, которая имела своей исторической задачей обнаружение за внешними, видимыми формами экономических явлений и процессов их внутреннюю сущность и нахождение таким образом адекватных способов влияния на них. Поскольку исходным экономическим отношением, которое исторически развертывает себя во всю систему экономических отношений, является совместно-разделенный труд, постольку *предмет политэкономии можно определить как систему совместно-разделенных отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления благ*. Эта система формируется исторически и в развитом виде представляет собой определенную целостность. Методом познания таких целостных систем является *диалектическое восхождение от абстрактного к конкретному*. Этот метод и есть собственным методом политической экономии, интегрирующим другие общенаучные и специфические методы. Он включает одновременное движение по трем уровням познания. *Первый уровень* - оперирование – представляет собой использование логических операций (анализа и синтеза, сравнения, абстрагирования и обобщения, индукции и дедукции в их единстве) для проникновения в объект и его теоретического отражения. *Второй уровень* - воспроизводство – является теоретическим отражением реального исторического движения и функционирования объекта. *Третий уровень* интегрирует два предшествующих и обеспечивает движение от абстрактного к конкретному через практически истинные абстракции, достижение единства теоретического и практического и реализуя таким образом всеобщность метода.

Обособление исторического рассмотрения развития экономических отношений дает *экономическую историю*, а обособление логического в рамках

исторического дает *историю экономической мысли*. Единство логического и исторического в политической экономии достигается только через постоянное обращение к экономической истории и истории экономической мысли, непрерывный выход за пределы предмета политической экономии и непрерывное возвращение к нему.

В процессе развития совместно-разделенного труда развиваются и обособляются и моменты разделенности, и моменты совместности, сохраняя при этом свое внутреннее единство. Если конкретные формы воплощенности совместно-разделенной экономической деятельности рассматриваются со стороны разделенности, то образуется *микроэкономическая проблематика и микроэкономика как часть экономической теории*, изучающая отдельные (обособленные от целого) явления и процессы (фирмы, домохозяйства, цены на отдельные товары и т.д.). Политэкономия, таким образом, развивается по одной своей линии в микроэкономике. И, как во всяком развитии, микроэкономика, с одной стороны, отрицает политэкономия, так как сосредотачивается только на стороне разделенности, на отдельных субъектах и процессах и не включает в своей предмет сторону совместности, с другой стороны – дополняет политэкономия изучением функционирования разделенных и обособленных форм экономических явлений и процессов. Но вместе с исключением из своего предмета соотношения разделенности с совместностью, она исключает из своего метода диалектику, которая изначально присуща совместно-разделенным отношениям.

Тем самым микроэкономика превращается в формальную, функциональную науку. Она допускает предельную степень формализации, применения математических методов, добиваясь таким образом новых научных результатов. Но если вдруг экономическая система претерпевает сущностные (не формальные) изменения, то обнаруживается неспособность микроэкономики в рамках собственного предмета и собственной методологии решать новые задачи. Неизбежным становится выход (возвращение) к политэкономии как своему историческому и логическому основанию для того, чтобы через познание сущности изменившихся явлений и процессов возвратиться к своему собственному (функциональному) предмету и внести в него необходимые коррективы. Именно такова ситуация сейчас.

Если конкретные формы воплощенности совместно-разделенной экономической деятельности рассматриваются со стороны совместности, то образуется *макроэкономическая проблематика и макроэкономика как часть экономической теории*, изучающая функционирование экономики как целого. Макроэкономика, также как и микроэкономика, является функциональной

наукой. Поэтому при существенных изменениях в экономической действительности она также вынуждена обращаться к политэкономии.

Непосредственным стыком, соединением, тождеством совместного и разделенного, индивидуального и общественного в совместно-разделенной экономической деятельности являются институты, воплощающие в себе *общее* в *индивидуальном* поведении людей (формирование правил и норм – переход от индивидуального к общему) и воплощаемые в этом поведении (подчинение правилам и нормам – переход от общего к индивидуальному). Сам переход индивидуального в общее и наоборот есть их отождествление, тождество. Институт выступает как общественно-тождественное в индивидуальной деятельности, как нечто дискретное, устойчивое, постоянно остающееся в деятельности, а сама деятельность как нечто непрерывно совершающееся, текущее и изменчивое. Поэтому *институциональная теория* носит дискретный и описательный характер. Она не может быть выстроена методом восхождения от абстрактного к конкретному, а институционализм всегда связан с какой-то конкретной наукой (социологией, экономикой, психологией и т.д.) и не существует вне связи с ними. Он по своей природе является междисциплинарной наукой.

Обособление отношений разделенности, совместности и тождества совместности и разделенности в процессе исторического развития совместно-разделенного труда, что отражается в обособлении предметов, соответственно, микроэкономики, макроэкономики и институциональной экономики, неизбежно предполагает и относительное обособление их методов. *Диалектическое восхождение от абстрактного к конкретному, как базовый метод политэкономии*, формализуется, локализуется в отдельных составляющих и превращается в частные методы.

В микроэкономике таким методом является метод *локализации*, т.е. выделения определенных явлений и процессов и их рассмотрение в относительной обособленности от иных процессов и явлений. Это вовсе не значит, что в микроэкономике используется только метод локализации. Данное положение необходимо понимать таким образом, что все другие методы используются здесь на основе метода локализации.

В макроэкономике таким методом является *агрегирование*, т.е. соединение однородных частей в некую совокупность, представляющую в отношениях к другим частям целое (валовой внутренний продукт, совокупный спрос, совокупное предложение и т.д.). Агрегирование также нужно понимать не как единственный, а как базовый метод макроэкономики, на основе которого используются все другие методы.

Обособление моментов тождества совместности и разделенности как правил и норм человеческой деятельности представляет собой процесс *фрактализации*, т.е. нахождения такой структуры, части которой подобны целому. Понятие фрактала было введено в 1975 г. Б.Мандельбротом, французским математиком, создавшим фрактальную геометрию (Mandelbrot, 1977, 1982). Хотя до сих пор не существует общепризнанного определения фрактала, определение, данное самим автором термина, выглядит так: «Фракталом называется структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому». Образом фрактала может служить дерево, каждая веточка которого по своему строению похожа на все дерево (Жуков, Лямин; Жиков, 1996).

Теория фракталов нашла применение в физике и других естественных науках. Она начала применяться и в общественных науках. Метод, который дает возможность выделить структуру (правило, норму), которая подобна себе во всех составляющих и в целом, и есть метод фрактализации. Например, рациональность, как правило экономического поведения, характерна как для отдельного индивида, так и для социальных групп, фирмы, государства и общества в целом. Это типичный институциональный фрактал.

Для институционализма в литературе не было определено какого-то специфического, выражающего его собственную особенность, метода. Обычно указывается на то, что он применяет широкий спектр методов. Однако такая особенность объективно существует, и она должна быть отражена теоретически. Адекватным выражением существа процесса выделения правил и норм деятельности человека как предмета институционализма является категория фрактализации. Поэтому *фрактализация* представляет собой базовый метод институциональной экономики, на основе которого используются все другие методы.

Здесь, как и в других случаях, достигается единство предмета и метода. Правило как базовый институт есть элемент целого, который по определению повторяется как в каждом отдельном человеческом действии, так и в действии всех частей (социальных групп, экономических субъектов) и общества в целом. Это означает, что институт по определению является фракталом, и его адекватное изучение предполагает использование метода фрактализации.

Такой подход показывает также, что существование трех основных современных направлений экономической мысли (неоклассики, кейнсианства и институционализма) является не случайным историческим явлением, а имеет свои глубокие корни во внутренней структуре исходного экономического отношения, которым является совместно-разделенный труд. *Неоклассика обособилась от классической политэкономии, изучающей совместно-разделенные экономические отношения методом восхождения от*

абстрактного к конкретному, на основе микроэкономической проблематики и метода локализации; кейнсианство возникло на базе макроэкономических подходов и метода агрегирования; а институционализм сформировался на основе фрактализации правил и норм общественной жизни как своего собственного предмета.

Выход за пределы макроэкономики одной страны, превращение ее в отдельный субъект, имеющий свои институциональные и иные отличия от других стран и взаимодействующий с ними, формирует предмет международной экономики, которая получает свои выводы на основе сравнения экономик разных стран. Международная экономика пользуется широким спектром методов, но основополагающим для них является *сравнительный метод*. Сравнительные преимущества, товарные и денежные потоки, переливы капитала, обменный курс и т.д. определяются экономическими различиями стран, выявляемыми в процессе их практического сравнения посредством международных экономических отношений.

Такая методология может быть применена также к изучению специфики предметов и методов других (более частных) экономических наук. Политэкономия была, есть и будет историческим и логическим, а следовательно, и методологическим основанием всей системы экономических наук, которые обособляясь от политэкономии, становятся самостоятельными, но при существенных изменениях в своих предметах исследования, возникающих в результате их развития, при качественных переходах неизменно возвращаются к своему основанию, черпая в нем методологию познания новых реалий и одновременно обогащая его. Это движение по своей природе является циклическим, что и наблюдается в реальности.

Более общей методологической основой, но уже за пределами собственно экономической сферы, является лишь философия, из которой произросли все науки. Но взаимодействие политической экономии с философией имеет свою специфику. Оно исторически развивается, меняет свои формы и служит постоянным источником взаимного обогащения.

Краткий и очень емкий очерк исторического пути философии хозяйства дан Ю.М.Осиповым: «Своими истоками философия хозяйства восходит к древним временам – еще дофилософическим. Была она немало затронута и древней философической эпохой. Не осталась без внимания ни в Средневековье, ни в Новое время, когда возникла и разрослась одна из первых целостных версий философии хозяйства – политическая экономия. В течение XIX и XX вв. политическая экономия, все более онаучиваясь, технологизируясь и математизируясь, заметно ушла и от философско-хозяйственного размыслительного тока; и философии хозяйства, тогда еще пра-

философии хозяйства, пришлось отталкиваясь от сциентистски настроенной теоретической экономики, проторивать свой путь: сначала в германских умах вроде М.Вебера, Г.Шмоллера и того же В.Зомбарта, помышлявших о чем-то вроде философии хозяйства, а затем и в российском уме С.Н.Булгакова, ставшего в начале XX в. отцом-основателем уже самостоятельного и целостно сообразованного течения мысли» (Осипов, 2011. С. 3).

Конечно, истоки философии хозяйства – это еще не философия хозяйства. Это просто знание о моментах хозяйственной жизни, вплетенное в саму эту жизнь и неотделимое от нее. Но это в такой же мере и истоки политической экономии как науки. Истоки можно увидеть и определить в качестве таковых только с позиций развитого предмета: только тогда, когда философия хозяйства стала особым, относительно обособленным от других, феноменом, можно увидеть ее истоки.

Политическая экономия, выделяясь из философии, отрицает философию, как общую систему знаний, самым фактом обособления своего предмета. Философию, но не философию хозяйства. Наоборот, это было утверждение философии, но на особом, специфическом поле экономической жизни. Поэтому философия хозяйства в этом формировании политической экономии была содержательно тождественна ей, или, что то же самое, но выражено с отрицательной стороны, ее как особой формы мысли не было, или, что объединяет и то, и другое, политическая экономия была формой целостной версии философии хозяйства (формула Ю.М.Осипова). Как нечто особенное здесь философия хозяйства существовала только в самом обособлении политической экономии, в переходе, на границе, как исчезающий, но в то же время и постоянно появляющийся момент, который есть, но которого в то же время и нет, как во всяком процессе становления.

Философия хозяйства в своем самостоятельном определении появляется только из размышления над тем экономическим содержанием, которое развила политическая экономия. Без политической экономии и вне ее, она не могла бы стать самостоятельной. Только неудовлетворенность политической экономией, ее отчужденностью от человека, критика политической экономии, ее отрицание и выход за ее пределы полагает философию хозяйства как самостоятельный способ познания реальности. В этой диалектике заключено единство и различие предметов политической экономии и философии хозяйства.

И политическая экономия, и философия хозяйства постигают человека в его отношениях к другим людям и окружающему миру. Но политическая экономия делает это в отчужденных формах, в формах предметного бытия человека в объективном мире, который, хотя и создан человеком, но становится независимым от него, более того, подчиняющим себе человека и

господствующим над ним. Стоимость есть не что иное, как материальное бытие человека, его затрат труда в материальном предмете, овеществление труда, превращение его в самостоятельную социальную форму, подчиняющую своему движению всю систему. Стоимость - не предмет, а общественное отношение, реально отличное от предмета, но в то же время неизменно пребывающее в нем, становится для себя самой целью, превращается в капитал, переворачивает субъектно-объектное отношение. И уже не человек есть субъект, а капитал. Он определяет цели человека как капиталиста, рабочего, образ их мыслей, жизненные устремления. Капитал с легкостью заменяет тех, кто плохо ему служит, отбирая посредством разорения, банкротств и т.д. наиболее соответствующих его собственной природе. Он и науку подчиняет себе, заставляя ее искать более эффективные способы достижения его капитальных целей. Процесс хозяйствования человека разлагается на фрагменты, теряет целостность и человечность, превращается в экономику, в которой человек не творец и созидатель, а агент.

Этого не приемлет философия хозяйства. Она тоже изучает человека в его отношениях, но не в материально-предметных формах его бытия, а как субъекта, для которого предметные формы лишь инструменты, средства реализации своих собственных, человеческих целей. Политическая экономия подвергается критике на ее собственном экономическом поле. И формой этой критики есть философия хозяйства. Философия хозяйства, обособилась от политической экономии в начале XX в. (докторская диссертация «Философия хозяйства» С.Н.Булгакова была защищена в 1912 г.), так как именно тогда особенно остро проявилась нечеловеческая и античеловеческая сущность капитала, изучением которого преимущественно занималась политическая экономия.

Таким образом, философия хозяйства, как особый способ постижения реальности, возникает на базе политической экономии как ее отрицание и возвращение к философии, но с учетом результатов пройденного политической экономией пути. На современном этапе развития политическая экономия и философия хозяйства образуют комплементарные основания понимания современного мир-хозяйства, которое содержит в себя как экономику, так и человекотворческое начало, пытающееся овладеть экономикой. Это не поглощение и не зряшное отрицание одного другим, а постоянный взаимообогащающий дискурс.

Изложенное выше понимание политической экономии как основы системы экономических наук можно кратко выразить схематически (рис. 1).

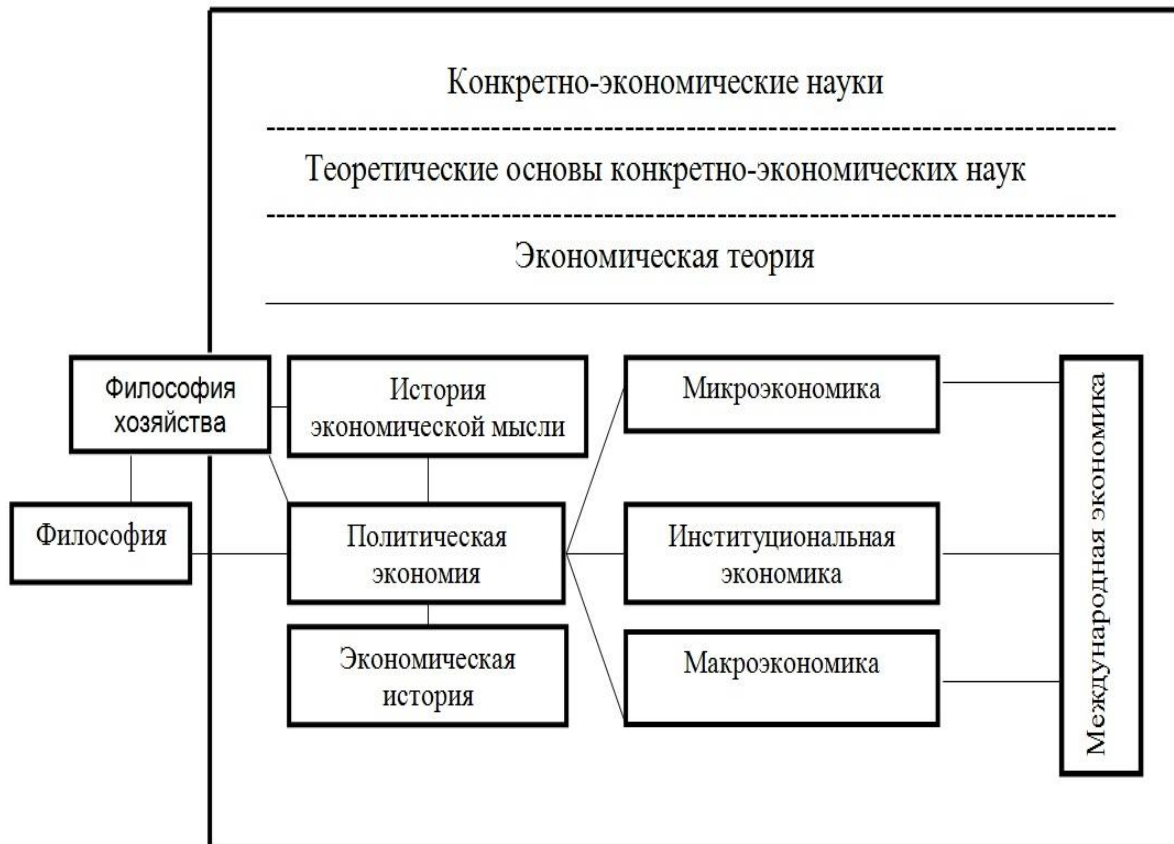

Рис. 1. Политическая экономия в системе экономических наук

Политическая экономия в качестве методологической основы всей системы экономических наук является не абстрактной схемой, годной на все случаи жизни, а живой системой категорий, постоянно взаимодействующей с экономическими и другими науками, обогащающейся и развивающейся. Это способ экономического мышления, врезающийся в хаос экономической жизни и дающий исходные предпосылки для осмысления и упорядоченного изменения реальности.

В современных условиях особое значение приобретают проблемы глобального кризиса, тенденций мировой дестабилизации и ситуации в Украине. Политическая экономия дает логико-историческую основу для адекватного понимания происходящих процессов. Совместно-разделенный труд, как исходное экономическое отношение, развивается через взаимодействие своих сторон (совместности и разделенности) и достигает такого состояния, когда весь мир можно охарактеризовать как разделенно-совместный. Каждый отдельный человек может реализовать себя только через производство благ для других и получение необходимых ему благ от других. Промышленность и сельское хозяйство, строительство и транспорт, наука и культура, разнообразные профессии и сферы деятельности – все это лишь современные формы совместно-разделенного труда. Главная проблема здесь

состоит в том, чтобы обеспечить *соединение обособленных* элементов системы: как найти работу, продать товар, получить деньги, обеспечить сбалансированность бюджетов (семейных, государственных), регионального развития, достичь торговых и платежных балансов стран, эффективно встроить национальную экономику в мировую и т.д.

Сейчас отношения совместности посредством информационно-сетевых и финансовых механизмов переросли границы национальных государств и приобрели форму глобализации, а отношения разделенности приобрели форму пространственно-страновой локализации материальных и трудовых ресурсов, неспособных перемещаться в пространстве со скоростью финансовых потоков и электронных платежей. Конфликтными формами проявления этого противоречия являются глубокие финансово-экономические кризисы в государствах с относительно слабой экономикой внутри интеграционных образований, попытки определенных национально-территориальных единиц получить независимость, требования более глубокой регионализации, противодействие ряда политических сил углублению интеграции стран ЕС, вооруженные конфликты в странах, где концентрируются экономические и геополитические интересы транснациональных корпораций и государств их базирования и др.

Институциональной формой укоренения глобализации является рост роли транснациональных корпораций, а институциональной формой укоренения локализации является усиление значения организационно-экономических структур, которые базируются на определенной территории, и ослабление роли территориально-государственных образований, что может быть квалифицировано как кризис национальных государств.

Транснациональные корпорации имеют существенные преимущества перед национальными товаропроизводителями за счет эффекта масштаба, возможностей использования результатов научно-технического прогресса и т.д. Поэтому их присутствие на рынках менее развитых стран приводит к ослаблению национального производства. Этому препятствуют национальные государства посредством политики протекционизма. Ввиду того, что транснациональные корпорации имеют поддержку государств своего базирования, эти конфликты, часто приобретают межгосударственный характер.

Таким образом, отношения совместности в процессе исторического развития перерастают границы отдельного государства и через транснациональные корпорации, опирающиеся на поддержку своих материнских государств, начинают охватывать все мировое экономическое пространство. Результатом такого процесса является возникновение и развитие

межгосударственных экономических образований. В это же время и во взаимодействии с этим развивается противоположный процесс локализации. Он идет через национальную систему рыночной экономики, пространственную локализацию субъектов хозяйствования, отстаивания интересов национальных производителей и страны в целом в условиях экспансии транснациональных корпораций и государств-глобализаторов.

Диалектика этого процесса такова, что, с одной стороны, транснациональные корпорации постепенно приобретают силу, которая в определенном отношении превышает силу государств, с другой стороны, граждане и экономические структуры становятся все более независимыми от национального государства. Человек, например, может получить образование в одной стране, работать в других странах. Университеты также часто имеют много студентов и преподавателей из других стран, независимое или малозависимое от государства финансирование. Для таких университетов более важное значение имеют местное самоуправление, обустройство местности и надежная работа коммунальных служб, чем отношения с государством. С развитием информационно-сетевой экономики такие тенденции будут усиливаться. Роль национальных государств будет уменьшаться, а роль территориального самоуправления и автономизации возрастать.

Если транснациональные корпорации приходят в менее развитые страны, где производительность труда ниже, а ресурсоемкость выше, то результатом является разорение национальных производителей со всеми дальнейшими последствиями: снижением темпов роста, увеличением безработицы, бюджетного дефицита и дефицита торгового баланса, ростом инфляции и девальвацией национальной валюты и т.д. Поэтому менее развитые государства всегда в таких случаях проводили политику протекционизма. Однако развитие глобализации, ее поддержка международными экономическими организациями снижают возможности оппортунистического поведения национальных государств, даже если они несут существенные потери.

Идеологической основой такой политики является либерализм, доказывающий преимущества свободного рынка. Эти преимущества действительно существуют, если речь идет об экономически равных партнерах, доказывающих свои преимущества в свободной конкурентной борьбе. Но если один существенно сильнее другого, то вместо конкурентной борьбы получается простое удушение. Это все равно, если бы на ринг вышел тяжеловес соревноваться с боксером легкого веса. Исход predetermined и безальтернативен.

Такая примерно ситуация возникла с Украиной. Она имеет существенно более низкую производительность труда и более высокую ресурсоемкость.

Приход крупных транснациональных корпораций, имеющих возможность идти в ногу с научно-техническим прогрессом, пользоваться эффектом масштаба производства и другими преимуществами, в таком случае ведет к деградации национальной экономики. Подписанию соглашений о свободной торговле с более развитыми странами должна предшествовать серьезная работа по техническому перевооружению производств, повышению производительности труда, снижению энергоемкости, совершенствованию технических стандартов, улучшению инвестиционного климата и т.д. Либерализация внешней торговли должна идти в ногу с этими процессами. В противном случае серьезные отрицательные последствия неизбежны.

Современный разделенно-совместный мир должен иметь принципы построения, адекватные его сущности. К ним можно отнести:

1. Принцип учета рефлексивности отношений.

Ни отдельный индивид, ни отдельная страна не может исходить из того, что то, что они делают как самостоятельные субъекты, не имеет никакого отношения к другим субъектам. Современный мир является взаимозависимым. То, что происходит в одной точке социально-экономического пространства, так или иначе отражается и в других точках. Независимость существует лишь как момент взаимозависимости. Но если этот момент начинает приобретать самостоятельность, отрицающую другие моменты, то он превращается в деструктивный элемент.

2. Принцип разделенно-совместного суверенитета.

Страны, вступающие в разнообразные экономические и другие союзы и имеющие право выхода из них, при передаче своих полномочий наднациональным образованиям не теряют, а реализуют свой суверенитет в разделенно-совместной форме. Это касается все видов суверенитетов (народного, экономического и т.д.).

3. Принцип взаимопризнания прав на особенности поведения (стран, регионов, социальных групп и пр.) и наличия общих ограничений.

Все субъекты взаимодействия договариваются о тех правилах и ограничениях, которые не должны нарушаться. Этот же договор означает, что все остальное находится в пределах прав субъектов.

4. Принцип компромиса как главного средства разрешения противоречий.

Интересы субъектов всегда имеют сторону общности и обособленности. Важно понять и признать, что компромис, предполагающий определенные уступки и поиск взаимоприемлемого решения, является нормальным, адекватным современному миру способом разрешения противоречий.

5. Принцип разделенно-совместной ответственности.

Каждый субъект несет свою долю ответственности в рамках совместно-разделенный полномочий.

6. Принцип мирного сосуществования.

Данный принцип является обобщенным выражением предыдущих и фиксирует нацеленность на мирные способы разрешения противоречий и отрицает вооруженный путь.

7. Принцип отрицания отрицания разделенно-совместного существования.

Этот принцип означает, что к тем, кто отрицает разделенно-совместное существование, данные принципы не применяются. Поэтому по отношению к ним возможны иные подходы.

Признание этих принципов как адекватных современному состоянию общества и применение их во всех сферах жизни является условием дальнейшего общественного прогресса.

Список использованной литературы

1. Гриценко А. Институциональная политическая экономия: предмет, методология, содержание. – LAP LAMBERT Academic Publishing.
2. Жиков В.В. Фракталы // Соросовский образовательный журнал. Математика. - 1996. - № 12.
3. Жуков Д.С., Лямин С.К. Фрактальное моделирование социально-политических феноменов и процессов // http://www.ineternum.ru/ineternum/aaa_fractal_centre/pdf/statii/pro_nunc.pdf.
4. Либман А.М. Политико-экономические исследования: обзор и некоторые приложения // Теоретическая экономика. Труды семинара. Книга II. - М., 2008.
5. Олейник А. Политэкономия власти: подходы к анализу отношений между государством и бизнесом в России // Вопросы экономики. – 2011. - № 5.
6. Осипов Ю.М. Вместо предисловия // Ренессанс философии хозяйства. - М.: ТЕИС, 2011.
7. Осипов Ю.М. Моя политэкономическая страда // Философия хозяйства. – 2014. - № 4 (94).
8. О'Хара Ф. Современные принципы неортодоксальной политической экономии // Вопросы экономики. - 2009. - №12.
9. Худокормов Ф.Г. Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада // Труды семинара «Теоретическая экономика». - М., 2009.
10. Чекмарев В.В. Разные новые политические экономии // Философия хозяйства. – 2009. - № 5.
11. Mandelbrot B.B. Fractals: Form, Chance, and Dimension. - San Francisco CA and Reading UK: W. H. Freeman & Co, 1977.
12. Mandelbrot B.B. The Fractal Geometry of Nature. - New York US and Oxford UK: W.H. Freeman and Company, 1982.